

С.Г. Отрыванов

**П.З. ЛЬВОВ – ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДЕЯТЕЛЬ, ПОДВЕРГШИЙСЯ РЕПРЕССИЯМ**

Я был свидетелем ужасных, душераздирающих сцен при аресте уважаемого мною Львова Платона Захаровича. Обыск продолжался в течение 2–3 часов ночи, ничего не нашли. Но человека арестовали и увезли, а потом он погиб. Прощальная сцена – Львов прощается с женой, с детьми и мною; душе-раздирающие рыдания членов семьи Львова – никогда не сможет стереться в памяти¹, – писал народный поэт Чувашии Семен Эльгер в своих воспоминаниях.

Родился и вырос Платон Захарович Захаров (фамилию Львов он получил 6 сентября 1915 г. согласно постановлению Казанской губернской палаты) в д. Хумуши Норусовской волости Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Вурнарского района Чувашской Республики). Окончил Хумушскую школу грамоты и Тиушскую двухклассную церковноприходскую школу. В 1910 г. выехал в Казань, где работал полотором в трактире, писарем, канцелярским служащим конюшни Казанского конезавода, конторщиком Казанского агентства пароходного общества «Кавказ и Меркурий», секретарем местного пристанского комитета Союза служащих и рабочих Казанского водного транспорта. В декабре 1917 г. ему повезло, он стал сотрудником III категории чувашской газеты «Хыпар» и членом партии правых эсеров².

П.З. Львов проявил себя как активный политический деятель, талантливый журналист, переводчик, литератор, руководитель, общественный деятель. Он редактировал газеты Чувашской автономной области и обкома РКП(б) «Известия рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской республики», «Чувашский край», «Канаш».

Его острые злободневные статьи, очерки и публикации часто появлялись на страницах этих газет и журналов «Ана», «Сунтал», «Капкӑн».

Он был секретарем бюро Чувашской секции при Казанском губкоме РКП(б), делегатом первой Чувашской конференции РКП(б), делегатом I съезда Советов ЧАО, участвовал в подготовке документов по образованию Чувашской автономной области, был членом Президиума Чувашского обкома РКП(б), заведующим Чувашским отделением РОСТА, заведующим государственного издательства, председателем коллегии Чувашского отделения Госиздательства, инспектором и заведующим Главлита³. Совершал большие дела, творя историю, однако не выпячивал себя, оставаясь в тени.

Львов вел большую общественно-политическую работу: был делегатом I Всероссийского съезда коммунистических секций, ячеек и активных работников чувашей-коммунистов, неоднократно избирался членом: областного исполнительного комитета, президиума исполкома ЧАО, областного комитета РКП(б), областного Совета профессиональных союзов, оргбюро общества изучения Чувашского края, бюро Союза чувашских писателей на платформе «Канаш». «До 16 государственных и общественных должностей одновременно исполнял П.З. Львов, с обязанностями справлялся хорошо, но эти заслуги мы позабыли», — вспоминал его товарищ Николай Золотов.

П.З. Львов с первых дней образования Чувашского отдела при Наркомате по делам национальностей и чувашской секции РКП(б) нёс на себе колоссальную нагрузку. Вот некоторые выдержки из характеристики Платона Львова, утвержденной на Президиуме обкома РКП(б) 24 октября 1922 г. (протокол №3): «Товарищ Львов, состояя на многих ответственных должностях по партийному, советскому и профсоюзному строительству, всюду проявлял достаточно организационную и административную способность... Долго сотрудничая и редактируя русскую и чувашскую газеты, проявлял себя как хороший журналист и руководитель партийной, советской прессы... Теоретически подготовлен путем самообразования. Как член партии дисциплинирован. Наклонности к склокам и группировкам не имеет. Работник высшей степени прилежный безукоризненно честный...»⁴.

«Пролетарская революция в России произошла в 1917 году, а для чувашского народа этот день наступил только 22 февраля 1918 года, в день выпуска первого номера газеты «Канаш»⁵, — любил повторять П. Львов. Эту дату он считал днём рождения угнетенного родного народа, днём своего становления как активного борца за просвещение чувашей.

До событий 1937 г. П.З. Львов был одним из уважаемых людей Чувашии. 1 апреля 1933 г. в честь 15-летнего юбилея газеты «Канаш» было обнародовано специальное постановление Президиума ЦИК и Совета народных комиссаров Чувашской АССР, подписанное председателем ЦИК А.Н. Никитиным, председателем СНК В.И. Токсиним. В нем, в частности, сказано: «Ветеранов газеты «Канаш» и всей чувашской печати товарищей А.П. Лбова, П.З. Львова, А.И. Иванова, А.И. Золотова, С.М. Авксентьева (Лашман), А.Л. Лукина, П.И. Илларионова, Н.И. Полоруссова занести в Красную книгу Центрального Исполнительного комитета Чувашской АССР с выдачей им соответствующей грамоты. Установить товарищам П.З. Львову, А.И. Иванову, А.И. Золотову ежегодное пособие на лечение в размере 1500 рублей в год каждому. Для премирования ударников печати редакции «Канаш» выделить 5000 рублей, для проведения праздника 15500 рублей»⁶. Прошло чуть более четырех лет, и в газетах появилось страшное сообщение: «Замаскировавшийся белогвардеец П.З. Львов исключен из партии...».

Незадолго до его ареста в газете «Красная Чувашия» выступил уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Чувашской АССР Николай Юшунев. По его словам, П.З. Львов: «Систематически фальсифицировавший историю Октября среди чувашей с возвеличиванием в ней роли Эльменя», «разрешивший выпускать контрреволюционно троцкистскую и националистическую литературу», «типичный молчальник, не разоблачавший врагов народа...»⁷.

Вечером 18 декабря 1937 г. Львова П.З. арестовали в квартире, по улице Канашская, дом 2/9, провели обыск и изъяли именной револьвер системы «Маузер» с патронами, мелкокалиберную винтовку и два противогАЗа.

После ареста Платон Захарович оказался в камере № 2 старой Чебоксарской городской тюрьмы. До революции в этой камере содержали не более двух человек, а тогда набили до 22-х.

Многие заключенные знали П.З. Львова и на левой стороне камеры для него освободили узкий топчан. Это место заключенные называли «счастливым», потому что заключенных, занимавших топчан, часто освобождали.

Нары возле окна этой камеры занимал чувашский писатель Василий Иванович Краснов-Асли, рядом лежал неунывающий, душа камеры композитор Степан Максимович Максимов, далее расположились доктор химико-технологических наук, почетный доктор Берлинского университета чуваш из Мариинского Посада Иван Алексеевич Алексеев, чебоксарские юристы Михаил Афанасьевич Афанасьев и Илья Игнатьевич Домов.

Дело по обвинению П.З. Львова содержит 325 страниц. Постановление о предъявлении обвинения и мере пресечения подписано 18 декабря 1937 г. В нем указано: «... И приняв во внимание, что гр. Львов Платон Захарович достаточно изобличается в том, что он, не разделяя основных положений советской власти и коммунистической партии, ведет активную борьбу с политикой, проводимой советской властью и партией, защищая и распространяя среди населения контрреволюционные националистические идеи... указанного гр. Львова Платона Захаровича привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР, а мерой пресечения от способов уклонения от следствия и суда, избрать содержание под стражей в Чебоксарской тюрьме»⁸.

Другой документ — выписка из протокола № 16 заседания бюро Чебоксарского горкома ВКП(б) от 11 сентября 1937 г., на котором было утверждено решение первичной партийной организации при Чувашгосиздате об исключении П.З. Львова из членов ВКП(б). В протоколе говорится: «Решением первичной партийной организации при Чувашгосиздате от 5 сентября 1937 года Львов П.З. исключен из членов ВКП(б) за то, что П.Львов, являясь редактором выпуска календаря на 1925 год (на чувашском языке), пытался протащить в календарь восхваление «заслуг» буржуазных националистов, врагов народа Эльменя, Шевле, Быкова, выдавая их за старых известных революционеров... В это же время сумел протащить и поместить в календарь свой портрет с надписью «Львов П.З., старый известный революционер...». Будучи начальником Главлита, разрешил печатать националистические книги бур-

жуазного националиста Юмана, сборники Хузангая, Петтоки с политическими вредными стихами, книги контрреволюционера Краснова, в которых восхвалялся бандит Троцкий»⁹. В мае 1939 г. в порядке надзора спецотдел НКВД ЧАССР по госбезопасности, рассмотрев жалобу Львова П.З., приговор спецтройки оставил в силе.

Есть в деле ещё один документ, постановление, подписанное 15 августа 1940 г. начальником следственной части НКВД ЧАССР Подшиваловым, где говорится: «Приговор Спецтройки НКВД ЧАССР о заключении Львова П.З. на 10 лет в ИТЛ считать правильным, о чем объявить Львову»¹⁰.

Платон Львов верил до конца в справедливость и до своего ареста на имя партколлегии комитета партийного контроля по ЧАССР (далее КПК) передал заявление, где подробно разобрал все обвинения, выдвинутые против него на партийном собрании. Этот документ состоит из девяти глав, последняя из которых озаглавлена «Какие ошибки у меня были?»¹¹.

В тяжелых условиях лагеря здоровье Львова ухудшилось. Туберкулез вновь набрал силу, и 12 июня 1941 г. его сердце перестало биться¹².

18 ноября 1955 г. заместитель прокурора ЧАССР, старший советник юстиции Гаврилов рассмотрел архивно-следственное дело по обвинению П.З. Львова. Он опротестовал постановление спецтройки при НКВД ЧАССР от 30.12.1937 г. и представил документы на рассмотрение в судебные органы, на предмет отмены и прекращения дела производством за отсутствием в действиях Львова состава преступления. Президиум Верховного Суда ЧАССР 14 декабря 1955 г., рассмотрев представленное дело, отменил решение спецтройки, тем самым посмертно полностью реабилитировал П.З. Львова¹³.

Анна Георгиевна Львова, жена Платона Львова, всегда была рядом с мужем. И горе, и радость они делили вместе. В трудные минуты и безрадостные дни она не оставляла мужа наедине со смертельной болезнью. Во многом благодаря жене Платон встал на ноги, возобновил журналистскую работу и стал полноценно трудиться. После ареста мужа Анна Георгиевна, несмотря на угрозы в её адрес, ходила по советским, партийным и судебным инстанциям, защищая честь и достоинство мужа.

В мае 1941 г. А.Г. Львова не получила от мужа долгожданного письма. Забеспокоилась, стала добиваться ответа о его самочувствии. Власти не простили такую дерзость. Ночью 11 июня 1941 г. Анну Георгиевну арестовали и заключили под стражу. Она не узнала, что через несколько часов в ИТЛ «Алатырь-12» ушел из жизни её муж. Перед арестом Анна Георгиевна работала медсестрой в городской детской поликлинике. В доме № 2 по ул. Канашской она жила вместе со средней дочерью Верой, преподавателем городского музыкального училища. Старшая дочь Нина работала техником-конструктором на Казанском авиационном заводе, а младшая Людмила училась в Ленинграде.

Нашлись свидетели, которые подтвердили контрреволюционную деятельность А.Г. Львовой против советской власти. Они сообщили, что в ее квартире часто собирались жены репрессированных преступников, проводили антисоветскую агитацию и распространяли контрреволюционно-клеветнические измышления в адрес руководства партии и правительства.

А.Г. Львова попала в Чебоксарскую тюрьму не одна. Скоро арестовали её подругу, жену бывшего заместителя председателя Совнаркома Чувашской АССР Александра Яковлевича Яковлева Екатерину Сергеевну Яковлеву. Никого не щадили! Е.С. Яковлева была родом из д. Шигали Урмарского района, работала заведующей курсами стенографии при Наркомпросе Чувашской АССР.

Оба дела объединили и женщин судили как организованную группу антисоветчиков. Строчки мотива арестов звучат так: «Будучи озлобленными репрессированием за контрреволюционную деятельность своих мужей Яковлева и Львова на протяжении 2–3-х лет проводили систематически антисоветскую агитацию и распространяли клеветнические измышления. В 1940–1941 гг. в адрес отдельных руководителей Советской партии и правительства высказывали резкие контрреволюционно-клеветнические измышления, восхваляли царский строй, советскую власть называли фашистским застенком, говорили, что дети доведены до нищеты»¹⁴.

27 августа 1941 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ЧАССР вынесла приговор: «Подвергнуть Львову А.Г. лишению свободы на 10 лет с поражением в из-

бирательных правах на 5 лет с зачетом с 11 июня 1941 года, с отбыванием наказания в Алатырском исправительно-трудовом лагере»¹⁵. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1941 г. приговор был оставлен в силе, а жалоба Львовой А.Г. — без удовлетворения. Такая же участь была уготована и Е.С. Яковлевой.

А.Г. Львова провела в Алатырском ИТЛ 10 лет. После освобождения она долго не могла устроиться на работу. Но мир не без добрых людей. Президиум Верховного суда РСФСР от 19 декабря 1955 г. в порядке надзора рассмотрел приговор Верховного суда ЧАССР от 27 августа 1941 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1941 г. в отношении А.Г. Львовой и Е.С. Яковлевой. Своим постановлением от 25 мая 1956 г. он отменил дело в отношении двух несчастных женщин из-за отсутствия в их действиях состава преступления¹⁶.

Анна Георгиевна умерла в 1988 г. в возрасте 94 лет, похоронена на Карачуринском кладбище г. Чебоксары¹⁷.

* * *

Зря говорят некоторые журналисты, что заявления и письма П.З. Львова в различные инстанции — это исповедь маленького человека, заблудившегося на перекрестке истории. Судьба по-разному, часто жестоко распоряжалась в те годы жизнью многих коммунистов, руководителей различных ведомств, учреждений и предприятий, простых рабочих и крестьян. Так же сурово сложилась судьба у тех, кто дал добро на репрессии, на аресты, на допросы, кто пытал безвинно осужденных, выносил жесткие, суровые приговоры. Но как ни крути, какие законы в свою пользу ни выдумывай, правда одна: «Не судите, да не судимы будете!» Эта истина, проверенная веками, особенно четко дала о себе знать в 20-е, 30-е, 40-е и 50-е годы 20-го столетия.

П.З. Львов писал жалобы в областную прокуратуру и на имя народного комиссара Внутренних дел СССР о незаконности его лишения свободы. Он наивно верил, что Л.П. Берия ничего не знал об условиях содержания: «Практиковалось коллективное издевательство: приглашались 2–3 следователя

из других кабинетов, они становились полукругом передо мной, и начиналось непрерывное обливание руганью, грязью в самых «изысканных», беспредельных своей похабностью выражениях. Основными методами допросов были: вымогательство признания посредством содержания без сна непрерывно, или через окаменелое, с опущенными руками сидение на стуле с выпученными на электролампочку глазами. Меня лично миновало мордобитие, истязание, называемое «поклонение китайскому Будде» или «присягание японскому фашизму» и т.д. Всё это практиковалось работниками Чуваш. НКВД и его райотделов над другими подследственными».

Многие считали, что Платон Львов предал своих товарищей. Тогда кем же являлись те члены госиздательства, которые голосовали за исключение Львова из партии, те работники горкома партии, которые утвердили решение этой партийной первичной организации? Как назвать тех журналистов, которые наперегонки во всех республиканских газетах писали об истинных коммунистах, как о врагах народа? Как относиться к руководителям партийных, советских органов, к работникам правоохранительных структур (НКВД, прокуратуры, судебные инстанции), которые выступали с высоких трибун и с легкостью ставили клеймо контрреволюционера без всяких на то оснований? Как быть с теми тысячами других репрессированных честных коммунистов и беспартийных граждан и с теми, кто их репрессировал? И это, к сожалению, тоже наша история!

Неужели не понимали те, кто обвинял Львова и многих других, что революционерами были не только те, кто штурмовал Зимний дворец в Петрограде, но и те, кто отстаивал на местах завоевания Октябрьской революции? При советской власти этот вопрос рассматривали с одной стороны, сегодня — иначе. Но пока до конца не разобрались с оценками этой эпохи в истории государства.

П.З. Львов никогда не был слабым человеком, он понимал, что домой больше не вернется и в своем последнем письме размышлял: «Я знаю, что 10 лет не проживу, что этот приговор — замаскированная высшая мера. Я перед ВКП(б), перед Советской властью, перед своим великим, строящим коммунизм народом — ни в чем не виноват. Мои ошибки в жизни не такие, чтобы отразились бы на социалистическом

строительстве гибельно. Главное, свои ошибки я создавал свое- временно и старался их поправить, извлекая урок и в даль- нейшем избегая их делать, твердо помня указания Ленина о том, что не тот умен, кто не делает ошибки, а тот, кто скоро их сознает и исправляет.

Если Чувашия беспрестанно на основе борьбы со всеми врагами, на всех фронтах социалистического строительства росла и достигла таких успехов, что была награждена орде- ном Ленина, то без хвастовства, но с гордостью могу сказать, что и моя доля работы в этих успехах есть не малая...». После этой, жалоб он не писал.

Д.С. Эльмень в своих воспоминаниях не раз обращал внимание на неутомимую работу П.З. Львова. С.А. Коричев в своей книге «Первые шаги» с теплотой вспоминал: «П.З. Львов проявил себя хорошим работником в области печати»¹⁸. Жаль, но некоторые соратники «постеснялись» назвать фамилию Львова П.З. в своих воспоминаниях. Так, В.А. Алексеев в книге «Дорогой Октября» среди 43 фамилий ветеранов, работавших в молодой Чувашской автономной области, не нашел места для Платона Львова, будто его не было, будто он не участвовал вместе со всеми в подготовке образования Чуваш- ской АО.

Почему Платон Львов на многие годы попал в «мерт- вую зону» молчания? Причина одна: в жалобах, направлен- ных П. Львовым на имя КПК обкома партии и Л.П. Берии, были названы несколько фамилий высокопоставленных пар- тийных и советских работников, виновных в его аресте и ре- прессиях над многими старыми большевиками Чувашии.

Да, он в течение двух месяцев считался членом партии правых социалистов-революционеров, шесть месяцев был членом Чувашского левого социалистического комитета, с 26 ав- густа по 3 сентября 1918 г. находился в белой армии. Это не его вина. В то время в Казани чуваши не имели других пар- тий, да и призыв в Красную и белую армии проводили на- сильственно, помимо воли человека. Только в сентябре 1918 г. П.З. Львов стал членом Чувашского коммунистического ко- митета, а позже — членом РКП(б).

В 1921, 1923, 1928 гг. в ходе чисток рядов РКП(б) (с 1925 г. — ВКП (б)), в 1932 г. при проверке партийных доку- ментов все коммунисты прошли через сито контрольной пар-

тийной комиссии, Львов никогда не скрывал фактов своей биографии.

Львов был принципиальным человеком. Согласно инструкции Главлита, не допускал появления запрещенных законом произведений. Это не всем нравилось. Между Львовым и творческими работниками, авторами запрещенных произведений часто возникали конфликты. Вот и вспомнили они «цензора, душителя свободы».

Настольные календари, о которых идет речь, выпускались с 1923 г. ежегодно и в них помещались портретные галереи всех видных политических деятелей России и Чувашской АССР. Но впоследствии большинство из тех, кого в этих календарях называли гордостью Чувашии, репрессировали, некоторых — расстреляли. На самом деле эти календари были только поводом, чтобы репрессировать Львова. В то время каждая книга, каждая газета перед выпуском проверялись партийным контролем отдела печати обкома ВКП(б) и политическим контролем НКВД, что было предусмотрено постановлением Совета народных комиссаров РСФСР и положением Главлита. Без подписи соответствующих контролирующих органов работники Главлита Чувашии не имели права разрешать выпуск издания, и данное положение никто и никогда не нарушал.

В «Деле» ещё имеется небольшая записка П. Львова, выписка из доклада о деятельности Чувашского народного комиссариата по делам национальностей. Даже этой записки хватило бы на то, чтобы запрятать Львова на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ): «Зимой 1918—1919 гг. во многих местах среди чувашей при сборе чрезвычайного налога творились такие бесчинства и безобразия, что подобные явления, безусловно, не должны иметь место в коммунистической республике. Налог собирали со всех, с бедноты и середняков. Чувашская беднота и середняки подвергались беспощадному избиению: нагайка, симуляция расстрелов, арест в холодных подвалах с избиениями играли доминирующую роль. Были даже смертельные случаи и случаи самоубийства бедняков, не знающих, где взять требуемых денег для уплаты налога. Кулаки же, вовремя сумевшие умиловить сатрапов, оставались в покое или отделялись самыми незначительными суммами».

В 2020 г. будет отмечаться 100-летие со дня образования Чувашской автономной области. Именно советский строй позволил чувашскому народу в исторически короткие сроки создать национально-государственную автономию, обеспечить скачок в образовании, резко поднять промышленный и сельскохозяйственный потенциал. В этом есть доля заслуги и П.З. Львова, который стоял у истоков советской власти, честно и беззаветно служил родному народу. Надеюсь, его имя не раз прозвучит среди имен тех, кто жил и трудился, отдал здоровье и жизнь за процветание Чувашского края¹⁹.

Литература и источники

¹ Эльгер С.В. Когда рассеялся кошмар // С.В. Эльгер. Хурапа шурă. Тёрлĕ вăхăтра сырнисем. Шупашкар, 1994. С. 377.

² Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1. Оп. 22. Д. 560 а. (Дело заведующего Чувашским госиздатом П.З. Львова).

² Там же.

⁴ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 1366 (Личное дело Львова Платона Захаровича).

⁵ Чăвашсен Октябрь // Хыпар. 1924. Февраль, 22.

⁶ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1245. Оп. 1. Д. 2. (Постановления СНК ЧАССР, приказы Главлита РСФСР, циркулярные указания Чувашглавлита с 1.01.1933 г. по 31.12.1936 г.)

⁷ «Буржуазные националисты и их покровители» // Красная Чувашия. 1937. 21 сентября.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 2811, 2812. (Следственное дело Львова П.З.)

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 5617–5621 (Следственное дело А.Г. Львовой и Е.С. Яковлевой).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Отрыванов С.Г.* Приговорён на гибель. Чебоксары, 2013. С. 132.

¹⁸ *Коричев С.А.* Первые шаги. Воспоминания о первых годах Советской власти в Чувашии. Чебоксары, 1969. С. 17–18.

¹⁹ *Отрыванов С.Г.* Приговорён на гибель. С. 162.